

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9 : 316.6

Харламенкова Наталья Евгеньевна,

*доктор психологических наук, профессор
Институт психологии РАН
nataly.khramenkova@gmail.ru*

Стоделова Тамара Сергеевна

*Институт психологии РАН
nataly.khramenkova@gmail.ru*

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ В ДИАДЕ МАТЬ – РЕБЕНОК И ДИНАМИКА ОБРАЗА МАТЕРИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Обсуждается проблема изменения отношений в диаде мать–ребенок в подростковом возрасте и сопутствующая этим изменениям динамика образа матери. Показано, что представления о матери формируются под влиянием реальных семейных отношений, а также вследствие воздействия архетипических и мифологических содержаний. Выделены общие тенденции в изменении представлений о матери в подростковом возрасте, которые касаются появления амбивалентности, дифференциации и расширения образа матери.

Ключевые слова: образ матери, объект, подросток, архетип, миф, взаимовлияние, амбивалентность, дифференциация.

Постановка проблемы. Образ матери – первый человеческий образ, возникающий у ребенка с самого рождения. Лицо матери распознается прежде всех остальных лиц, и по мере того как ребёнок растёт (меняются его отношения с родителями, трансформируются представления о них, возникают и сглаживаются прежние детали, появляются новые) глубоко запечатлённый образ матери продолжает влиять на ребенка, который затем становится подростком, юношей и взрослым человеком. Существует мнение, что «основные характеристики и эталонные черты социокультурного образа женщины-матери со времён античности фактически не изменились – это женщина, обладающая неординарным жизненным опытом и даром интуитивного предвидения наиболее вероятных путей развития событий (особенно связанных с её детьми); отличающаяся редкой добротой, чувством сострадания и умения понять своих детей и их решения; женщина, одаренная от природы неординарными способностями к воспитанию и убеждению; человек по убеждению необыкновенно стойкий, верный интересам своих детей и безоговорочно принимающий во имя их (вместо них) любые испытания судьбы и т. п.» [7, с. 35].

Несмотря на устойчивость внутренних объектов, регулирующих отношение человека к миру, к себе, к другим людям представление о матери способно меняться. Изменения касаются и образа матери как такового, и всей целостной системы внутренних объектов. Карин Белл проследила сложный процесс идентификации дочери с матерью, отметив, что у каждой женщины «накоплен» опыт разнообразных отношений мать–дочь. Они отражаются в установленных связях между образом Я и объектными репрезентациями, и, начиная с рождения, совершают некое «круговое движение». Иными словами, взаимодействие между матерью и дочерью разворачивается как возобновление и переоформление отношений, уже имевших место между двумя женщинами [25].

Проблема, обнаруженная нами в ходе анализа работ по теме формирования образов матери и отца в процессе развития ребенка, состоит в том, что существуют разные мнения относительно динамики этих представлений, которые необходимо по возможности согласовать. Обобщив результаты, отметим, что уже в раннем детстве (согласно М. Малер, с 24 до 30 месяцев) начинается развитие постоянных объектов, в частности такого объекта как мать. Будучи устойчивыми,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00301а

представления имеют тенденцию претерпевать некоторые изменения в зависимости от решения ребенком актуальных задач взросления. Наиболее сложным в плане развития является период пубертата, в процессе которого реорганизуются отношения между ребенком и значимыми для него людьми; считается, что именно в этот период человеку дается последний шанс в изменении раннее организованного Я. С одной стороны происходит возврат к объектам детской любви, а с другой возникает «подростковое восстание» против родителей, авторитетов или их символических заместителей. «В любом случае *выбор объекта* в этой попытке разрешения конфликта играет для подростка значительную роль. Обычно в это время речь идет о *компульсивной и преходящей привязанности* к другим либо *того же возраста*, связь с которыми приобретает форму страстной дружбы или настоящей любви, либо *более взрослым*, отчетливо представляющим собой родительских заместителей, приобретающих по мере взросления все менее отчетливое сходство с исходными родительскими образами» [4, с. 63]. Каким же образом эти разнонаправленные тенденции проявляются в отношениях ребенка с матерью, и как видоизменяется представление о матери у подростка – все это предстоит рассмотреть в настоящей работе, учитывая влияние конкретной матери, а также силу воздействия архетипических и мифологических образов.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить трансформацию и видоизменение образа матери у подростков и выявить специфику отношений в этой диаде по мере созревания, взросления и становления подростка как самостоятельной, эмоционально независимой и зрелой личности.

Значимость влияния матери на ребенка многократно подтверждена в работах З. Фрейда, М. Кляйн, М. Риббл, А. Фрейд, Д. Винникота, Д. Берлингем, Р. Шпица, Дж. Боулби, Дж. Эйнсворт, в том числе и в исследованиях отечественных авторов (М. И. Лисиной, И. В. Дубровиной, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, В. С. Мухиной, Г. В. Бурменской и др.). Показано, что расширение сети объектов идентификации является необходимым условием для построения и дальнейшего становления собственной самости. Особую роль и значение во всех происходящих процессах играют родители. Посредством механизма идеализации подросток переоценивает образ Я,

отождествляясь с отдельными аспектами своих родителей, изменяет его, и в результате решения конфликтов более ранних стадий развития, освобождаясь от инфантильных объектов и постепенно уменьшая амбивалентность предэдипальных и эдипальных объектных связей, строит прогрессивные, более зрелые, взаимоудовлетворяющие отношения со своими родителями [14].

Понятие «внутренний объект». Внутренний объект и образ. Изучение «образов родителей» в совокупности со степенью пубертатной зрелости даёт возможность проследить переход от латентной стадии к подростковому периоду, определив степень возможных преград развития, а в случае задержки, либо ускоренного пубертатного развития, исследовать, как изменяются объектные отношения, внутренние отец и мать как образы, сложившиеся на более ранних этапах развития.

Внутренний объект это – *объект-представление, внутреннее представление*, которое обрело значимость внешнего объекта. Внутренние объекты представляют собой фантомы, т. е. встречающиеся в фантазиях образы, на которые человек реагирует как на «реальные». Они возникают из внешних объектов путем интроекции и считаются локализованными во внутренней (психической) реальности.

Внутренний объект формируется на основе отношений с первоначальным внешним объектом и влияет на выбор внешнего объекта в дальнейшей жизни. Внутренний объект может претерпевать изменения под влиянием отношений с актуальным внешним объектом. По мере того, как ребёнок растёт и развивается, он создаёт и интернализует обновленную версию внутреннего объекта. В результате оказывается интернализована вся совокупность прошлого опыта взаимодействия с внешним объектом на всех стадиях развития. Когда ребенок, подросток или взрослый знакомится с людьми, он бессознательно ожидает, что новые отношения будут похожи на отношения, ставшие привычными. Если этого не происходит, новые отношения могут предоставить обоим партнёрам возможность изменить свой внутренний объектный мир. Объекты – это часть личности, в то время как каждый ребёнок рождается со своими уникальными личностными задатками, в этих отношениях он растёт и развивается, создавая на основе переживания своего взаимодействия с внешними объектами психическую структуру [18].

Образ – чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику. Образ является важнейшей компонентой действий субъекта, ориентируя его в конкретной ситуации, направляя на достижение поставленной цели и разворачивая действие в пространстве и времени [10, с. 228].

Ленинградской психологической школой, Б. Г. Ананьевым и его учениками был введен термин «вторичный образ» и была заложена основа изучения психологии вторичных образов. Это спектр классов «внутренних образов», переживаемых в отсутствии непосредственно воздействующего стимула в качестве их прообраза. Образы хранят и актуализируют опыт человека, помогают представить внутренний мир других людей, что необходимо для целенаправленной деятельности, самопознания и саморегуляции на различных уровнях. Б. Г. Ананьев показал, что образы-представления – взаимопроникновение чувственного и логического, продукты целостной рефлекторной работы мозга, процессы, а не образования, хранящиеся в мозге в неизменном виде.

Согласно Б. Г. Ананьеву прижизненно развивающаяся система разнородных свойств человека, интегрированная структурой личности–индивидуальности, детерминирует психические процессы изнутри. Но есть первичная детерминация психического извне – со стороны объектов отражения, действующих на органы чувств. В логике рассуждений Ананьева принцип детерминизма органично связан с принципом отражения, который указывает на зависимость психических явлений от материального мира – объектов отражения, поэтому предметом специального исследования становится проблема чувственного отражения и его роль как исходного момента, основы познавательного психического процесса, а также психического развития человека в целом. Многолетние исследования в области психологии чувственного познания привели Ананьева к обоснованному заключению о том, что сенсорно-перцептивные явления – источник психического развития человека, воспроизводимый в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью; ощущения рассматриваются как необходимый компонент всего процесса жизнедеятельности [1].

А. А. Гостев отмечает, что психологически грамотное использование «внутренней образности» даёт подсказки о корнях проблем, причинах конфликтов, об истинных желаниях, расширяет видение мира, рождает новые идеи, повышает сензитивность, помогает «самоконсультроваться» и самокорректироваться, позволяет просматривать варианты в ситуации выбора, осознать и сформировать профессионально-важные качества, лучше понимать других. Образы реорганизуют неосознаваемый материал, позволяют выразить неявное знание в символической форме [6].

Можно сказать, что принципиальные различия между понятиями «внутренний объект» и «образ» отсутствуют. Они возникают тогда, когда начинают учитываться методологические и теоретические основания их изучения. Понятие «внутренний объект» используется в глубинной психологии, понятие «образ» – в различных школах, в частности в теориях социальной детерминации, вследствие чего первое понятие обозначает реальность, которая наделяется особой силой влиять на жизненный выбор, на отношения к реальным объектам, второе понятие обозначает реальность, которая также обладает регулятивными функциями, однако возникает в процессе психического отражения, т.е. вторично по отношению к материальным явлениям. Несмотря на некоторые различия между «внутренним объектом» и «вторичным образом» эти понятия, как нам представляется, близки по смыслу. Учитывая это, в своих последующих рассуждениях мы пользуемся как понятием «внутренний объект», так и понятием «образ».

Архетип и образ Матери. Очевидно, что представление человека о матери не в полной мере совпадает с его восприятием в этом качестве конкретной женщины. Образ матери на определённом жизненном этапе это совокупность представлений о собственной матери, представлений о женщине в целом, образов из литературы, кино и других источников, представлений других людей о матери, а так же архетипа матери (Великая Мать, Мать-природа, Мать-земля). Таким образом, для формирования личности ребенка важными оказываются реальная мать и эмоциональная связь с ней, а так же, наряду с такими факторами как включённость ребёнка в супружеские отношения в целом, социальный

статус родителей и др., символические материнские образы, раскрываемые в мифологии, фольклоре, в литературе, в религии.

К. Юнг отмечал, что в первый и второй годы жизни ребенок, полностью погружен в коллективное бессознательное. Обретение тесной связи с реальными родителями необходимо ему для того, чтобы отказаться от своей связи с архетипическими фигурами. Юнг полагал, что этот отказ осуществляется постепенно. Со временем при нормальном развитии ребенка родители перестают восприниматься им как богоподобные. Проблемное развитие, при котором один или оба родителя отсутствуют и отделение от архетипического образа не происходит, характеризуется тем, что ребенок не способен рассматривать родителей и других людей во временном аспекте, т.е. как реальных существ, имеющих свои ограничения.

Юнг дает обобщенное описание архетипа Матери: Великая Мать это – проявление внимания и сочувствия; магический авторитет феминности; мудрость и душевный подъем, распространяющийся за рамки формальной логики; любой полезный инстинкт или импульс; все, что называется добротой; все, что дает заботу и поддержку, способствует развитию и плодородию. Негативные аспекты материнского архетипа – это все тайное, скрытое, темное; пропасть; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба (Юнг, 1997). На пубертатный период приходится состояние, которое Юнг охарактеризовал как «психическое рождение», когда начинается сознательное отделение ребенка от родителей, при этом возможные трудности в развитии подростка возникают не только вследствие влияния реальной матери – негативного материнского комплекса, но и под влиянием архетипических образов.

Архетип, согласно А. А. Гостеву, это – многомерный объект-прообраз определенного тематического содержания, актуализируемый через многоликие «образ-проекции» на различных уровнях сознания и в различных измерениях человеческого бытия. Он подчеркивает роль архетипов как составляющих самые глубокие корни личностной идентичности, выражающие экзистенциальный характер.

Однако архетипы – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки,

их возможность. Они представляют собой формы, не наполненные содержанием. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. Это может быть *индивидуальный опыт ребенка* или *коллективный процесс*, например, *мифотворчество*, в котором происходит трансформация архетипов в образы, когда «невольные высказывания о бессознательных душевных событиях» переводятся на язык объектов внешнего мира. Действительно образы архетипического содержания тесно связаны с мифологическими образами, и, по существу, проявляются в них. Согласно О.М. Фрейдбергу «Образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время понятны нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины, – эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем мифом» [17, с. 28].

Образ матери в мифах и семейных историях, мифологические представления молодежной субкультуры. Мифологические образы Геры, Деметры, Юноны символизировали женское начало, позволяли конкретизировать архетипические структуры Анимы и Великой Матери. Согласно О.М. Фрейдбергу «...Юнона у римлян, у греков Гера – имя тотема, богини, коллектива и каждой женщины... Молодая плодородящая женщина (не старуха бесплодная и не ребенок) представляет собой Юнону, как рождающий мужчина – гения. Это “отец” и “мать” дородового периода» [17, с. 36].

Голос мифа, который знает прошлое и нашу древнюю историю хранит ее летопись в сказках [20]. В мифах и сказках образ матери наполняется конкретным содержанием, получает большее разнообразие. Выделяется внешняя и внутренняя мать. Действующая в сказке мать выступает символом внешней матери. Это то, что действует и реагирует согласно опыту, который женщина получила в детстве, от своей матери. Однако «внутренняя мать состоит не только из опыта внешней матери, но и из других материнских фигур в нашей жизни, а также из образов, которые во времена нашего детства были приняты в обществе как воплощения хорошей и плохой матери» [20, с. 174]. Эстес отчетливо разделяет

амбивалентную мать, сломленную мать, мать-ребенка, или мать-сироту, сильную мать. У амбивалентной матери конфликтуют стремление получить одобрение общества и любовь к ребенку, поэтому она «слишком легко уступает, боится настоять на своем, потребовать уважения к себе, утвердить свое право поступать, учиться, жить по-своему» [20, с. 176]. Для преодоления таких ограничений ей необходимо развивать в себе жесткие, мужские качества. Сломленная мать это мать, уступившая обществу, отказавшаяся от ребенка, отвергающая свое дитя. «Это может быть патологически самовлюбленная мать, которая чувствует себя в праве самой быть ребенком» [20, с. 177]. Мать-дитя принадлежит к разряду слабых матерей, незрелых душой, которой необходима опека женщин постарше, способных подсказывать, ободрять, поддерживать ее в заботе о ребенке. Такие матери выражают восторг по поводу своих детей, но ведут себя хаотично, не способны заботиться, не знают, как правильно это делать. Сильная мать – женщина, которая опирается на опыт не только своей матери, но и на опыт женщин, с которыми чувствует внутреннее родство, а также ищет связь с собственной глубинной природой, с «дикой и мудрой матерью», с матерью-природой.

Кроме влияния архетипических образов, содержащихся в древних мифах, сказках, легендах, сказаниях, образ конкретной матери в значительной степени подвержен влиянию семейных историй, семейной мифологии.

Системный семейный и трансгенерационный подходы (М. Боуэн, Дж. Хэйли, В. Сатир, С. Минухин, К. Витакер, А. Шутценбергер и др.) исследуют влияние семейного прошлого на настоящее человека. Предполагается, что люди организуют свое поведение в соответствии с особенностями своего поколения, возраста, пола, структурными и коммуникативными параметрами семейной системы. По данным Э. Г. Эйдмиллера и В. В. Юстицкиса, термин «семейный миф» впервые был предложен А. Х. Феррейрой и, по сути, является «образом Мы», принятым в семье. Семейный миф выявляется через паттерн функционирования человека, и терапия отдельной личности в рамках этого подхода обязательно предполагает анализ семейных отношений и истории семьи. «Когда мы начинаем работать с семьей или с отдельным человеком с учетом контекста его семьи, будь то психоло-

гическая или психиатрическая проблема, проблема здоровья или экзистенциальная проблема, в рамках этого подхода важно понять, какие *негласные правила* существуют в данной семье, а данной среде» [19, с. 62].

Исследование, проведенное Т. В. Рыцаревой (рук. Н. Е. Харламенкова), показало, что существует связь между проблемным поведением подростков и семейными отношениями. Семьи были разделены на три группы: первая группа включила в себя семьи, от которых поступали жалобы на неуспеваемость детей в школе; вторая – семьи, от которых поступали жалобы на непослушание детей и третья – те, от которых поступали жалобы на плохое поведение детей с нарушением социальных норм. Оказалось, что для первой группы семей характерны такие ценности как достижения и самостоятельность, а также миф «Мы – люди», главная идея которого состоит в установке на развитие. Симптом – школьная успеваемость входит в ценностную сферу семей первой группы, поэтому неуспеваемость ребенка может выступать своеобразным протестом против семейных стереотипов. Для второй группы с симптомом «непослушание» характерны ценности традиций и обычаев, власть и социальный статус, а также миф «Мы – дружная семья». Симптом «непослушание» противоречит принятым ценностям в семьях второй группы. Для третьей группы (симптом плохое поведение, нарушение социальных норм) наиболее важны ценности традиций, власти и универсализма, а также мифы «Мы – люди» и «Мы – герои». То есть в этой группе ценности состоят в достижении, в получении образования, в следовании традициям. Плохое поведение как симптом затрагивает все сферы ценностных ориентаций семей третьей группы. В исследовании Т. В. Рыцаревой специально не выделялась роль матери, однако предполагается, что семейный миф создается обоими родителями. В целом можно сказать, что системный семейный и трансгенерационный подходы основаны на положении о *неосознаваемом* влиянии прошлого семьи на ее настоящее, которое обнаруживает себя в процессе идиографического исследования.

Наследование семейного нарратива может осуществляться не только бессознательно, но и *осознанно*, через обсуждение семейных правил, привычек, традиций (Е. А. Петрова). Мифологизация истории семьи предполагает

гиперболизацию отдельных сторон семейной истории, ее субъективное толкование. В диссертации Е. А. Петровой межпоколенный ресурс рассматривается как составляющая социокультурного фактора совладающего поведения и включает в себя отношения со значимыми представителями старшего поколения, выступающими объектами идентификации и источниками социальной поддержки и представления о значимых людях другого поколения, которые субъект может актуализировать в целях совладания с трудной жизненной ситуацией. Компонентами ресурса выступают: эмоционально-чувственный компонент (описание эмоциональных переживаний и чувств, связанных с воспоминаниями о предках, вещах и фотографиях, принадлежавших им, реальное общение с прауродителями); идентификационно-поведенческий компонент (описание социального «наследования»), идентификации в поведении и личностных чертах со значимыми членами семьи) и интеллектуально-ценностный компонент (интеллектуальная значимость знания о предке и влияние этого знания на формирование ценностей). К критериям эффективности межпоколенного ресурса были отнесены: улучшение эмоционального состояния, укрепление Я-концепции и позитивного образа Я, лучшее понимание трудной жизненной ситуации, сохранение и поддержание контактов с окружающими людьми.

Семейные мифы опосредствуют влияние реальной матери на поведение ребенка и путем установления межпоколенного контакта осуществляют передачу семейного опыта следующим поколениям. Образ матери может нести определенную смысловую нагрузку, характерную для семейной истории и передаваться прямым или компенсаторным путем, варьируя, прежде всего, в зависимости от акцента, который делается на одной из двух моделей материнской роли, таких как «настоящая мать» или «настоящая женщина». К. Эльячефф и Н. Эйниш пишут: «Случается так, что в диапазоне вариантов, расположенных между двумя полюсами, некоторые придерживаются срединной линии...», однако «...если приглядеться повнимательнее, все-таки находятся либо по одну, либо по другую сторону баррикад: в большей степени мать, чем женщина; или преимущественно женщина, нежели мать» [11, с. 17]. Безусловно, кроме главной альтернативы «будь матерью или будь женщиной»,

возможны и другие, например, такие как «плохая или хорошая мать», «добрая или злая мать» и проч., которые обнаруживают себя в трансгенерационных связях.

Кроме архетипических и мифологических нагрузок материнский образ подвержен влиянию «возрастной мифологии», в частности влиянию мифологических представлений молодежной субкультуры. Оказалось, что восприятие родителей так называемыми подростками-неформалами и их поведение в семейных конфликтах во многом обусловлены сконструированными в молодежной субкультуре моделями, в которых родители наделяются конкретными ролями и, определяется, в какой роли по отношению к ним должен выступать «настоящий неформал». Семейные конфликты возникают и поддерживаются не только благодаря конкретным межличностным напряжениям, не только благодаря стереотипным взглядам большинства родителей на неформальные объединения, но и благодаря внешним, не вытекающим из истории семьи факторам, а именно нормам подросткового мира. Субкультурная мифология вмешивается в семейные отношения, и как результат – родители наблюдают необъяснимое для них, ничем не спровоцированное конфликтное поведение своих детей [12].

Отношения в диаде мать-ребенок в подростковом возрасте. Большинство современных исследований, не отвергая влияния архетипических образов на представления о конкретной матери, сосредотачивают свое внимание на реальных поведенческих отношениях матери и ребенка, а также на изменении представлений о ней, на формировании нового образа матери. Учитываются различные отклонения как в поведении самой матери, так и в поведении подростка.

Достаточно традиционным подходом к анализу регрессивного или прогрессивного развития ребенка стало изучение *влияния матери* и стиля семейного воспитания на психологию подростка. В исследовании Д. В. Берко показано, что «субъективные образы родителей» оказывают влияние на восприятие себя и других, на формирование тех или иных черт личности и на ее направленность. Отмечено дифференцированное воздействие стилей воспитания отца и матери на развитие девочки в подростковом возрасте. В частности, позитивное принятие девочки отцом гармонизирует ее психическое развитие, благоприятно отражается на ее личностной

зрелости. Для принятия девушкой ценностей самоактуализации необходима некоторая сепарированность отношений между матерью и дочерью в подростковом возрасте. На уровне семантической структуры обыденного сознания воспринимаемая в подростковом возрасте враждебность со стороны родителей ведет к появлению в сознании девушек противоречивой картины мира, когда значимые объекты воспринимаются одновременно как привлекательные и отталкивающие. Наибольший вклад в формирование противоречивой картины мира вносит такая переменная как «образ враждебной мамы» [2].

При изучении влияния семейных факторов на формирование девиантного поведения матери, А. Я. Варга с коллегами пришли к выводу, что девиантные матери совершенно по-другому воспринимают своего ребёнка и иначе к нему относятся, чем женщины с нормальным материнским поведением. Это «другое» материнское отношение к ребёнку можно проследить в семейной истории женщин, отказывающихся от новорождённого. Было обнаружено, что подобное материнское отношение уже встречалось в истории данной семьи [5].

В ряде работ зарубежных коллег прослеживается связь между проблемным материнским поведением, в том числе и отношением к ребёнку и его психологическими трудностями. Показано, что материнская депрессия приводит к изменению в поведении подростков, к появлению признаков экстернализации и интернализации, склонности к риску, к дисфории и развитию чувства одиночества [27; 31]. Депрессивные состояния у детей подросткового возраста часто связываются с семейными проблемами, в том числе и с конфликтными отношениями в семье [40]. Замечено так же, что повышенная тревожность и депрессия возникают в случае болезни родителей. В работе С. Flahaut, S Sultan [32] было выявлено, что раковое заболевание родителя разрушительно влияет на психологическое благополучие детей, и его последствия более выражены, чем воздействие на ребенка других хронических патологий, обнаруженных у родителей.

Уязвимость подростков может проявляться и на уровне телесных реакций. В частности показано, что подростковый дистресс находит выражение в различных телесных дисфункциях, таких, например, как нарушение пищевого поведения [26]. Материнская агрессия, как подчеркну-

то в работе Belsky, et al. [24], увеличивает риск делинквентного поведения подростков, алкогольную и наркотическую зависимость и опосредованно, т. е. при наличии признаков раннего полового созревания, влияет на сексуальное поведение подростка, интенсифицируя его.

Проблемное поведение, в ряде случаев угрожающее жизни подростка, такое как делинквентность [33], экстернализация/интернализация [29], суицид [23] рассматриваются, соответственно, в связи с такими реакциями матери как неспособность к самораскрытию, проявлению заботы, отстраненность от проблем ребенка, неумение выражать сочувствие. И наоборот, осознание и принятие матерью собственных эмоций и эмоций ребенка (maternal meta-emotion philosophy – МЕР) при учете факторов пола и типа темперамента [42], оптимизм [41] способствуют процессам социализации и снижают признаки интернализации. Поощрение матерью выражения дочерью эмоций на фоне развития у девочки фемининных черт, влияет на формирование у нее специфических реакций на стресс, типичных для женщин [28].

Надо сказать, что предподростковый возраст и начало пубертата описываются в литературе с точки зрения преимущественного воздействия матери на становление личности ребенка. Однако к концу подросткового периода это влияние *становится взаимным*. Появляются новые семейные отношения, в которых подросток воспринимается не как ребенок, а как взрослеющий человек. Значительно возрастает его влияние, например, на ценности родителей [39]. Отмечено, однако, что эти процессы могут наблюдаться только в структурированных семьях и у старших подростков, т. е. у субъектов, которые находятся ближе к границе юношеского возраста и периода ранней взрослости. В начале пубертата в межличностных отношениях и в поведении усиливается амбивалентность, вызванная идентификацией с другими подростками и взрослыми, не являющимися родственниками, о чем упоминалось в самом начале статьи. Разнонаправленность тенденций заметна в характере идентификаций, и в сосуществовании потребностей в автономии и в зависимости. В исследовании L. Drew, et al. [30] установлено, что у подростков, больных диабетом, лечение продвигалось успешнее, если ориентация на сверстников была не столь значительной как ориентация

на родителей. Тем не менее, утверждается, что важен баланс между влиянием сверстников и родителей. Изучение опосредованного влияния ценностей подростка на его поведение показало, что для установления этой связи нужно учитывать ожидания матерей и сверстников (прежде всего, лучшего друга) относительно просоциального поведения подростка. Изменялись представления подростка об этих ожиданиях. Было показано, что важна как оценка представлений матери, так и оценка представлений друга относительно такого поведения у подростка [37].

Трудности в преодолении альтернативы автономия–зависимость и в совладании с сопутствующими им переживаниями – депрессией, тревогой, одиночеством появляются при отсутствии поддержки со стороны родителей и, прежде всего, вследствие автономности матери, а также в целом при ненадежной модели привязанности [22]. Современные исследования показывают, что развитие самостоятельности подростка, его Эго-идентичности, социальных умений и способности устанавливать интимные отношения зависят от вовлеченности матери в отношения с ребенком, от ее интереса к его взрослым проблемам, что синхронно проявляется и в изменении *представлений о матери*.

Как показали результаты анализа литературы, выделить некоторую общую и при этом единственную закономерность в изменении образа матери в подростковом возрасте довольно сложно. Это связано с тем, что представление о матери опосредованно влиянием целого ряда переменных, среди которых выделяются такие факторы как полная/неполная семья, рабочая модель привязанности, автономность матери, пол ребенка, раннее половое созревание и др. [36; 24]. В исследовании А. А. Реан, М. Ю. Санникова было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Авторы предположили, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери [11]. В работе Л. Ф. Фомичевой показано, что подростки, имеющие благоприятные отношения с родителями, обладают дифференцированными, эмоционально насы-

щенными и объемными представлениями об отце и матери. У подростков, имеющих неблагоприятные, конфликтные отношения с родителями представления о них недифференцированы и уплощены [15]. В исследовании В. Priel, et al. [38] сопоставляются представления о родной и приемной матери у приемных детей. Выявлено, что по сравнению с контрольной группой представления приемных детей о родной и неродной матери более конкретны и менее позитивны; обнаружено сходство между образцами в приписывании им негативных аспектов.

Несмотря на влияние дополнительных переменных и на важность их контроля, следует выделить несколько тенденций в изменении представлений подростка о родителях (и, прежде всего, о матери). С нашей точки зрения, *усиление амбивалентности*, вызванной идентификацией с другими подростками и взрослыми, отражается и на представлениях о матери. Возвращение к амбивалентным характеристикам значимых объектов, типичное для более раннего возраста, обусловлено появлением разнонаправленных тенденций, вызванных актуализацией потребностей в автономии и в зависимости. В работах, посвященных проблеме амбивалентности эмоциональных переживаний отмечается, что она возникает при затруднении совладания со стрессом и может приводить к депрессивным симптомам [34]. Подростковый возраст, как отмечалось ранее, это период наибольшей уязвимости, стрессогенности, реакция на которую часто носит амбивалентный характер. Мать как значимая для ребенка фигура, может поддерживать или не поддерживать его самостоятельность, однако в обоих случаях новый опыт взаимоотношения с матерью способен вызывать не всегда согласующиеся между собой впечатления и оценки.

Другой особенностью представлений подростка о матери является *дифференцированность* образа матери. Как было показано выше, подростки, имеющие благоприятные отношения с родителями, обладают дифференцированными, эмоционально насыщенными и объемными представлениями об отце и матери, тогда как конфликтные отношения в семье сужают спектр представлений о родителях. Тем не менее, вне зависимости от типа привязанности и характера отношений в семье, общий уровень когнитивной сложности образа матери повышается по сравнению с доподростковым уровнем.

Кроме амбивалентности и дифференцированности представлений о матери подросток способен выделить черты, свойственные матери как женщине. Назовем эту особенность *расширением* образа матери. Иными словами в представлении о матери появляются признаки, характеризующие ее и как мать, и как женщину. По-существу такое открытие как «моя мама не только мама» коррелирует с появлением у подростка чувства взрослости и с началом идентификации с другими взрослыми.

Наличие в опыте подростка факторов, дестабилизирующих его развитие в период пубертата, таких, например, как ненадежная привязанность, раннее половое созревание или, наоборот, задержка полового развития, депрессивная мать, деспотичный или отстраненный отец, конфликтные отношения со сверстниками и др. препятствует формированию новых отношений с матерью и восполнению представлений о ней. Так называемое «круговое движение» между образом Я и объектными репрезентациями, обозначенное нами в самом начале статьи, приостанавливается, либо продолжается, но не предполагает выход на новый круг отношений. Амбивалентность, дифференциация и расширение образа матери – результат проявления сыном или дочерью активного отношения к миру, следствие их ориентации на развитие своей суверенности, а также результат зрелой позиции матери, которая способна «поддерживать оптимально свободное пространство между собой и ребенком, регулируемое в зависимости от его потребностей» [11, с. 68).

Выводы

1. Отношения между ребенком и матерью в подростковом возрасте строятся по типу взаимного влияния, когда допускается воздействие матери на ребенка, и одновременно, влияние ребенка на мать, на ее ценности, предпочтения, потребности.

2. Представление о матери формируется под влиянием реальных отношений, складывающихся в семье, а также вследствие воздействия архетипических и мифологических образов, в частности образа матери, типичного для конкретной семейной истории.

3. Динамика образа матери в подростковом возрасте представлена тремя тенденциями – амбивалентностью, дифференциацией и расширением образа матери в представлениях подростка.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. – М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1960.
2. *Берко Д. В.* Влияние стилей родительского воспитания на личностные особенности девушек : Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ставрополь, 2000.
3. *Белл К.* Мать и дочь / Московский психотерапевтический журнал. – 1998. – № 1. – С. 152–191.
4. *Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001.
5. *Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю.* Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 79–87.
6. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
7. *Киселева Т. Г.* Женский образ в социокультурной рефлексии : монография. – М. : МГУКИ, 2002.
8. *Коряков Я. И.* Эволюция родительских образов в психоанализе // Психологический вестник Уральского государственного университета. – 2002. – Вып. 3. – С. 101–123.
9. *Петрова Е. А.* Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения : Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2008.
10. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Педагогика-Пресс, 1996.
11. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – С. 385.
12. *Розин М. В.* Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 91–99.
13. *Рыцарева Т. В.* Семейные мифы и ценностные ориентации семьи и их связь с формой симптоматического поведения подростка // Магистерская дисс., ГАУГН. – М., 2010.
14. *Тайсон Р., Тайсон Ф.* Психоаналитическая теория развития. Пер. с англ. – Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
15. *Фомичева Л. Ф.* Образ родителей и представленность отношений с ними у подростков // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 26–40.
16. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности / Психология бессознательного. – М. : Просвещение, 1990.
17. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. – М. : Главная редакция восточной литературы «Наука», 1978.
18. *Шарфф Д. С., Шарфф Д. Э.* Основы теории объектных отношений / пер. с англ. – М. : «Когито-Центр», 2009.

19. Шутценбергер А. А. Синдром предков. – М. : Изд-во «Психотерапия», 2007.
20. Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – М. : Издательский дом «София», 2005.
21. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.; К.: ЗАО «Совершенство» – «Port-Royal», 1997.
22. Allen J. P., Marsh P., McFarland Ch., McElhaneу K., Land D. J., Jodl K. M., Peck Sh. Attachment and Autonomy as Predictors of the Development of Social Skills and Delinquency during Midadolescence // J. of Consulting and Clinical Psychology. – Vol. 70(1). – Feb 2002. – P. 56–66.
23. Baumann A. A., Kuhlberg J. A., Zayas L. – H. Familism, Mother-daughter Mutuality, and Suicide Attempts of Adolescent Latinas // J. of Family Psychology. – Vol. 24(5). – Oct 2010. – P. 616–624.
24. Belsky J., Steinberg L., Houts R. M., Halpern-Felsher B.L. The Development of Reproductive Strategy in Females: Early Maternal Harshness – Earlier Menarche – Increased Sexual Risk Taking // Developmental Psychology. – Vol. 46(1). – Jan 2010. – P. 120–128.
25. Bergman A., Considerations about the developments of the girl during the separation-individuation process. In: tAenaell D (ed) Early female development. – MTP-Press, Lancaster, 1982.
26. Blodgett S. E., Gondol D. M., Corning A. F., McEnery A. M., Grundy A. M. Psychological Distress as a Mediator of the Relation between Perceived Maternal Parenting and Normative Maladaptive Eating among Adolescent Girls // J. of Counseling Psychology. – Vol. 54(4). – Oct 2007. – P. 434–446.
27. Campbell S. B., Morgan-Lopez A. A., Cox M. J., McLoyd V. C. A Latent Class Analysis of Maternal Depressive Symptoms Over 12 Years and Offspring Adjustment in Adolescence // J. of Abnormal Psychology. – Vol. 118(3). – Aug 2009. – P. 479–493.
28. Cox S. J., Mezulis A. H., Hyde J. S. The Influence of Child Gender Role and Maternal Feedback to Child Stress on the Emergence of the Gender Difference in Depressive Rumination in Adolescence // Developmental Psychology. – Vol. 46(4). – Jul 2010. – P. 842–852.
29. Day R. D., Padilla-Walker L. M. Mother and Father Connectedness and Involvement during Early Adolescence // J. of Family Psychology. – Vol. 23(6). – Dec 2009. – P. 900–904.
30. Drew L. M., Berg C., Wiebe D. J. The Mediating Role of Extreme Peer Orientation in the Relationships between Adolescent–Parent Relationship and Diabetes Management // J. of Family Psychology. – Vol. 24(3). – Jun 2010. – P. 299–306.
31. Fanti K. A., Henrich Ch. C. Trajectories of Pure and Co-occurring Internalizing and Externalizing Problems from age 2 to age 12: Findings from the National Institute of Child Health and Human Development Study of Early Child Care // Developmental Psychology. – Vol. 46(5). – Sep 2010. – P. 1159–1175.
32. Flahault C., Sultan S. On Being a Child of an Ill Parent: A Rorschach Investigation of Adaptation to Parental Cancer Compared to Other Illnesses // Rorschachiana. – Vol. 31(1). – 2010. – P. 43–69.
33. Keijsers L., Frijns T., Branje S.J. T., Meeus W. Developmental Links of Adolescent Disclosure, Parental Solicitation, and Control with Delinquency: Moderation by Parental Support // Developmental Psychology. – Vol. 45(5). – Sep 2009. – P. 1314–1327.
34. King L. A. Ambivalence over Emotional Expression and Reading Emotions in Situations and Faces // J. of Personality and Social Psychology. – Vol. 74(3). – Mar 1998. – P. 753–762.
35. Leung S. S., Stewart S. M., Wong J. P., Ho D. S., Fong D. Y., Lam T. H. The Association between Adolescents’ Depressive Symptoms, Maternal Negative Affect, and Family Relationships in Hong Kong: Cross-sectional and Longitudinal Findings // J. of Family Psychology. – Vol. 23(5). – Oct 2009. – P. 636–645.
36. Ojanen T., Perry D.G. Relational Schemas and the Developing Self: Perceptions of Mother and of Self as Joint Predictors of Early Adolescents’ Self-esteem // Developmental Psychology. – Vol. 43(6). – Nov 2007. – P. 1474–1483.
37. Padilla-Walker L. M., Carlo G. Personal Values as a Mediator between Parent and Peer Expectations and Adolescent Behaviors // J. of Family Psychology. – Vol. 21(3). – Sep 2007. – P. 538–541.
38. Priel B., Kantor B., Besser A. Two Maternal Representations: A Study of Israeli Adopted Children // Psychoanalytic Psychology. – Vol. 17(1). – Win 2000. – P. 128–145.
39. Roest A. M., Dubas J., Gerris J. R. Value Transmissions between Fathers, Mothers, and Adolescent and Emerging Adult Children: The Role of the Family Climate // J. of Family Psychology. – Vol. 23(2). – Apr 2009. – P. 146–155.
40. Sheeber L. B., Davis B., Leve C., Hops H., Tildesley E. Adolescents’ Relationships with their Mothers and Fathers: Associations with Depressive Disorder and Subdiagnostic Symptomatology // J. of Abnormal Psychology. – Vol. 116(1). – Feb 2007. – P. 144–154.
41. Taylor Z. E., Larsen-Rife D., Conger R. D., Widaman K. F., Cutrona C. E. Life Stress, Maternal Optimism, and Adolescent Competence in Single Mother, African American Families // J. of Family Psychology. – Vol. 24(4). – Aug 2010. – P. 468–477.
42. Yap M. B., Allen N. B., Leve C., Katz L. F. Maternal Meta-emotion Philosophy and Socialization of Adolescent Affect: The Moderating Role of Adolescent Temperament // J. of Family Psychology. – Vol. 22(5). – Oct 2008. P. 688–700.